

Общая газета. - 1998, - 2-8 июля, - с. 10

В кругу печальных друзей и беспечальных врагов

Отмечает свой юбилей Инна Лиснянская

ИННА ЛИСНЯНСКАЯ – несомненно, один из крупнейших поэтов современности. Не прославлена. Не канонизирована. Не растиражирована. Не прочитана по-настоящему. Не доиздана. Не расхватаана. Не возвеличена. Не-не-не-не – сколько угодно подобных «не». А стоит себе вроде бы в сторонке от столбовой славы – стоит твердо, крепко, одиноко.

Кого бы я ни встречала –
Я встречала себя,
Кого бы ни уличала –
Я уличала себя,
Кого бы я ни любила –
Я любила себя,
Кого бы ни хоронила –
Я хоронила себя...
Сходили с ума. Но это
Я сходила с ума.
И если вдуматься в это,
Весь мир – это я сама.

Все известные книги поэта – «Виноградный свет», «Дожди и зеркала», «На опушке сна», «Лампада» и особенно последние – «После всего», «Из первых уст» и «Ветер покоя» предельно наполнены замечательными стихами. Замечательными по простоте, боли, искренности, а проще – по мастерству. Основной прием поэта давно отлажен и испытан: бытовое, почти низкое, прозаическое возвести в глубоко значимое, философское. Так ум устроен, так душа воспитана, что все – через себя. «Мир – это я сама». Но могла бы сказать и прямо наоборот: «Весь мир – во мне, через меня, мое я». Не такая уж редкость для любого настоящего поэта, но у Лиснянской, благодаря ее индивидуальности, опыту, биографии, понятию о жизни, мир представлен целиком как «мой».

Мир поэта полнокровен, изобилен, жизнь дышит пряно, страстно, все достигает души, все ее касается, – общественное, гражданское, давнее, близкое, дружеское, любовное, все равно – трагично, безумно, радость и печаль, печаль и радость...

Взгляну налево,
посмотрю направо:
Все на воде стоит – и град,
и власть,
И жизнь моя – всего лишь
переправа,
И я почти до места добралась...

...Мне ль не молчать?
Я столько говорила –
И все-то попусту,
все невпопад...
Словами зацветет моя могила,
Но сорными, как одичалый сад.

Ах, нет, Инна Львовна Лиснянская, не сорными зарастет, не сорными! Самыми отборными, отобранными, отшлифованными и ограненными, будто бриллианты, – живыми-преживыми, цветущими всегда свежо и ново. Сравнимо ваше слово только с самыми первейшими собратьями вашими – стихосоздателями, – вашему таланту и уму отдали бы дань и Осип Эмильевич, и Анна Андреевна, и Борис Леонидович!

Если бы кто-то захотел узнать, изучать нашу эпоху по стихам Лиснянской, – он все бы нашел, – главное настроение, мироощущение, правду. Но газетное прокрустово ложе не даст остановиться на том, в чем эта Инна Львовна Лиснянская всего мощнее, всего слышнее. Любовь! Конечно, любовь! Но и это у нашего поэта в особь, – тоже выпало свое, по-своему, как Бог дал.

Судил меня Бог,
и щадил меня Бог,
Берег, и стерег, и наказывал,
Но ни на одну
из возможных дорог
Перстом никогда не указывал.

Сама по нутру своему выбирай
Свой путь, свой удел,
свой уклад,
Не то преисподней
покажется рай,
И раем покажется ад.

А выбрала, так никогда
не жалея
Ни песен, ни башмаков!..
И выбрала я печальных друзей
И беспечальных врагов.

Разве ж это про любовь? –
спросит читатель... Про любовь,
про любовь! – отвечаю. –
Такая любовь.

Любовь российская всегда такая же трудная, как жизнь российская: радость и печаль, печаль и радость. Все, что у Лиснянской про любовь, – точно так же сразу про всю жизнь: свою, нашу, общую.

Я живу в слезах и смехе,
Беззащитна, но горда.
У меня проси утехи,
Утешенья – никогда!

Я сама его искала.
Что ты смотришь на меня?
Я устала. Я устала
Прыгать в воду из огня!

Михаил Климентьев

То я – в жены, то – в монашки,
Тут и там – одна беда.
У меня проси поблажки,
Но прощенья – никогда!

Я сама его искала,
Билась головой об лед.
Видишь – женщина устала,
Видишь – красный лед идет.

Как ей свойственны, как ей легки и озорство, и самоирония, и способ вроде бы несерьезно и легкомысленно говорить о самом серьезном: легко и весело, когда особенно трудно и печально. Завораживает, завоевывает и закрепляет нашу симпатию к поэту и наше внимание это живое, простое свойство характера. Она вообще не умеет скрывать своего характера, своих ошибок, капризов, бед своих, огорчений. И опять же все это при тех законах своего времени, когда все было – табу. Не полагалось, не велелось в поэзии ни про вино, ни про болезнь или боль, ни – боже упаси! – про легкомыслие и озорство. А уж про Бога, ангелов, божественное – чур, чур, чур! Инна Лиснянская – свободная душа – всегда была отчаянно смелой, ставила слова, какие находила, не уступала не то что другим, критике какой, – нет, самой себе не позволяла ничего изменить, уступить, подменить черное на белое, истинное на лукавое.

Вспомним один из крутых фактов большой биографии: участие в знаменитом «Метрополе», жестокий разнос, выход из Союза писателей, включение в черные списки, то есть, по сути, запрет печататься. Подавило это поэта? заткнуло ему рот? Да ничуть не бывало – может, наоборот, только смелее, яростнее стала писать все, что нельзя. Писать вообще нужно только то, что нельзя. И.Л.Л., уж точно, всегда держалась этого правила. Оттого, конечно, и выстояла, и осталась собою.

Михаил РОЩИН

263